

МЕНЬШЕВИСТСКИЙ ПЕРИОД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЛЕХАНОВА (1904—1917 гг.)

ГЛАВА ПЯТАЯ

ОТХОД ПЛЕХАНОВА ОТ МАРКСИЗМА

III съезд РСДРП, состоявшийся летом 1903 г., создал революционную марксистскую партию на тех идейных и организационных принципах, которые выработал В. И. Ленин.

Плеханов шел на съезде вместе с Лениным. Но вскоре после съезда он перешел в лагерь меньшевиков. Этот переход, выразившийся в поддержке Плехановым стремления меньшевиков свести на нет неугодные им решения второго съезда по организационным вопросам, в период революции 1905—1907 гг. получил свое воплощение в последовательном отстаивании им меньшевистской тактики, которой он оставался неизменно верен уже до конца своей жизни, хотя по организационным вопросам он нередко довольно резко расходился с меньшевиками.

Если переход Плеханова к меньшевикам был отчасти подготовлен его прежними теоретическими ошибками, то сам этот переход в свою очередь сопровождался заметным отходом его от марксизма, в частности по экономическим вопросам.

1. Отход Плеханова от марксизма по вопросам политической экономии

В 1910 г. в издательстве «Шиповник» вышла на русском языке книга Плеханова «Н. Г. Чернышевский»,

впервые изданная, как выше было отмечено, в 1894 г. на немецком языке и еще ранее (в 1890—1892 гг.) опубликованная в виде отдельных статей в сборнике «Социал-демократ». Имея в виду эти статьи и немецкое издание книги о Чернышевском, Ленин писал (1899 г.): «Плеханов в своей книге о Чернышевском... вполне оценил значение Чернышевского и выяснил его отношение к теории Маркса и Энгельса»¹. Впоследствии, сопоставляя издание 1910 г. со статьями в «Социал-демократе», Ленин отметил ряд весьма характерных для эволюции Плеханова расхождений в отдельных выражениях и формулировках². Так, в «Социал-демократе» Плеханов писал: «Чернышевский присутствовал при зарождении у нас нового типа «новых людей» — революционера». В издании 1910 г. слово «революционера» было выпущено. Была значительно изменена — точнее, весьма «смягчена» — вся редакция раздела, посвященного вопросу об отношении Чернышевского к либерализму. В этих и ряде других расхождений, сводящихся к замене слова «революционер» разными, более безобидными терминами и к максимальному смягчению тона по отношению к либералам и либерализму, проявилась та эволюция к оппортунизму, которую Плеханов проделал за период, отделявший опубликование его статей о Чернышевском в сборнике «Социал-демократ» от выхода в свет его книги о Чернышевском в издании «Шиповник».

В книге о Чернышевском, вышедшей в 1910 г., мы находим ряд специально написанных для этого издания примечаний, относящихся к трактовке отдельных вопросов политической экономии.

В статьях о Чернышевском, опубликованных в 90-х годах, Плеханов, как мы видели, решительно и последовательно отстаивал марксистское положение о тенденции заработной платы к понижению по мере развития капитализма. А в русском издании книги о Чернышевском, вышедшем в 1910 г., т. е. после перехода Плеханова в лагерь меньшевизма, он счел нужным к тому месту, где говорится о тенденции заработной платы

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 249.

² См. Ленинский сборник, XXV, стр. 214, 224, 230, 232, 233, 236, 237.

к понижению при капитализме, сделать следующее примечание: «Считаем не лишним поставить читателю на вид, что здесь речь идет у нас о понижении заработной платы как доли национального продукта. При этом относительном уменьшении рабочий класс может получать больше денег, нежели прежде, покупать на данную денежную единицу больше, нежели прежде, товаров и все-таки быть относительно беднее, нежели он был раньше»¹. В ранних изданиях этой работы Плеханов говорил не только об относительном уменьшении заработной платы (по сравнению с прибавочной стоимостью), но подробно развивал положения, доказывающие неизбежность тенденции к абсолютному снижению заработной платы при капитализме. «Разъяснение», данное им своим собственным высказываниям задним числом, призвано было лишь по возможности скрыть от читателя существенное различие между его более ранними и более поздними высказываниями по данному вопросу, путем интерпретации более ранних (и более правильных) высказываний в духе более поздних (по существу неправильных).

Некоторые замечания Плеханова на полях первого тома «Капитала», содержание которых не получило отражения в его опубликованных работах, проливают кое-какой дополнительный свет на теоретические предпосылки эволюции взглядов Плеханова на заработную плату. По поводу указания Маркса, что «в общем и целом всеобщие изменения заработной платы регулируются исключительно расширением и сокращением промышленной резервной армии, соответствующими смене периодов промышленного цикла», Плеханов замечает: «Эта-то *Regulierung* устранена тред-юнионами»². Точно так же по поводу указания Маркса, что «промышленная резервная армия, или относительное перенаселение, в периоды застоя и среднего оживления оказывает давление на активную рабочую армию и обуздывает ее притязания в период перепроизводства и пароксизмов», Плеханов замечает: «Это устраняют

¹ Г. В. Плеханов, Соч., т. VI, стр. 129.

² Замечание Плеханова на полях стр. 651 немецкого издания первого тома «Капитала», изд. 1883, хранящегося в его личной библиотеке.

тред-юнионы»¹. К сожалению, невозможно сколько-нибудь точно установить, к какому времени относятся эти замечания Плеханова. Ряд других замечаний в той же книге, сделанных, несомненно, в то же время, что и приведенные выше, и представляющих собой весьма резкие отзывы о Туган-Барановском и Струве (причем относительно Струве Плеханов употребляет термин «нынешний Струве»), дают основание считать, что приведенные выше замечания Плеханова относятся к периоду не ранее 900-х годов.

При сравнении их скраткими высказываниями Плеханова о роли профсоюзов, содержащимися в статьях о Чернышевском, относящихся к 90-м годам, бросается в глаза их весьма существенное различие. Там он указывал лишь, что рабочие при помощи рабочих союзов, стачек и классовой политической борьбы, «налагающей некоторую узду на «бережливость» капиталистов», имеют возможность бороться против понижения заработной платы, чем, однако, никак не нарушается общая закономерность, состоящая в тенденции к снижению заработной платы по мере развития капитализма. Теперь, поскольку Плеханов пришел к мысли, что профсоюзы устраняют влияние безработицы на уровень заработной платы — влияние, которому он в статьях о Чернышевском придавал решающее значение, — он должен был изменить свои прежние воззрения и на законы движения заработной платы при капитализме.

То обстоятельство, что эволюция во взглядах Плеханова по вопросу о заработной плате, состоявшая в заметном отходе от учения Маркса и вместе с тем от своих собственных прежних воззрений, совпала с периодом его политической эволюции в сторону оппортунизма, заставляет думать, что именно изменение его политических позиций побудило его к пересмотру и некоторых теоретических воззрений, либо по крайней мере способствовало более резкому и отчетливому оформлению и развитию таких ошибочных воззрений, которые в эмбриональном и более или менее скрытом

¹ Замечание Плеханова на полях стр. 656 немецкого издания первого тома «Капитала», изд. 1883, хранящегося в его личной библиотеке.

состоянии отчасти содержались уже в его более ранних высказываниях.

Указанным выше изменениям во взглядах Плеханова на заработную плату соответствовала подобная же эволюция в его взглядах на положение рабочего класса при капитализме. Уже в статьях против Струве он, как мы видели, делал упор на относительное ухудшение положения рабочих при капитализме, старался как бы «реабилитировать» Маркса, доказывая, что вопреки утверждениям «критиков» положение об относительном ухудшении положения рабочих придумано не «ортодоксами», убедившимися якобы в неправильности учения Маркса об абсолютном обнищании пролетариата, а обосновано самим Марксом¹.

После перехода к меньшевизму в статьях, посвященных критике синдикализма, Плеханов вернулся к вопросу об обнищании рабочего класса при капитализме. На этот раз он уже утверждал, что Маркс вообще констатировал лишь относительное ухудшение положения рабочих. «Что касается самого Маркса, — писал он, — то его «критики» приписывали ему вслед за Гевецием и многими другими буржуазными экономистами теорию абсолютного ухудшения положения рабочего класса. Но это чистейший вымысел. Маркс нисколько не сомневался в том, что положение рабочего *относительно* ухудшается, и в первом томе своего «Капитала» он дал теоретическое объяснение этого явления. А насчет *абсолютного* ухудшения положения рабочего он нигде не высказывался положительно, по-видимому, лишь допуская его возможность при известных условиях времени и места»². А в 1906 г. в рецензии на книжку Зомбарта «Почему нет социализма в Соединенных Штатах?» Плеханов пошел еще дальше. Ссылаясь на обещание Зомбарта выпустить исследование, в котором будет показано, что степень эксплуатации рабочих в США выше, чем во всех других странах, он указывал, что это исследование «даст новый материал для обоснования теории, гласящей, что по мере развития капиталистического общества положение пролетариата *относительно* ухудшается, несмотря на то, что его мате-

¹ См. Г. В. Плеханов, Соч., т. XI, стр. 220—225.

² Г. В. Плеханов, Соч., т. XVI, стр. 71.

риальное положение *улучшается* в абсолютном смысле этого слова», добавляя, что «этой теории держался, как известно, Маркс, и ее же держатся современные марксисты»¹.

Таким образом, Плеханов не только перешел на ревизионистские позиции отрицания абсолютного обнищания рабочего класса при капитализме, но пытался самого Маркса представить сторонником таких ревизионистских взглядов.

В отличие от Плеханова Ленин в полном соответствии с учением Маркса подчеркивал, что обнищание рабочего класса в капиталистическом обществе носит не только относительный, но и абсолютный характер. Ленин показал, что даже из анализа официальных данных буржуазной статистики вытекает, что «рабочий нищает *абсолютно*, т. е. становится прямо-таки беднее прежнего, вынужден жить хуже, питаться скуднее, больше недоедать, ютиться по подвалам и чердакам»².

В работах 80-х и 90-х годов, в частности в книге о Воронцове, Плеханов склонен был ставить на одну доску марксову теорию цены производства с тем объяснением «отклонения рыночной стоимости от трудовой» вследствие действия «закона равной нормы прибыли», которое содержалось в теориях Рикардо и Родбертуса³. В начале 900-х годов в статьях, посвященных критике ревизионизма, он уже подчеркивал, что с позиций родбертусовской теории стоимости невозможно было удовлетворительно решить вопрос о противоречии между законом стоимости и законом средней нормы прибыли.

Однако прошло немного времени, и Плеханов снова резко изменил свою позицию в вопросе об отношении теории Маркса к теории Родбертуса, вернувшись по существу к своей прежней точке зрения, высказанной в книге о Воронцове. В предисловии к книге «Чернышевский», написанном в 1910 г., он писал: «Лично я уже с начала 80-х годов был твердо убежден, что указанная антиномия (между законом стоимости и законом средней нормой прибыли. — И. Б.) должна быть разрешена Марксом, вообще говоря, т. е. отвлекаясь

¹ Г. В. Плеханов, Соч., т. XVI, стр. 202.

² В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 405.

³ См. Г. В. Плеханов, Соч., т. IX, стр. 97.

от некоторых неясностей и неправильностей в построениях Родбертуса, в том же смысле, в каком разрешал ее Родбертус. Это могли бы засвидетельствовать те из моих друзей, с которыми мне приходилось тогда беседовать об экономических вопросах: я всегда говорил им, что, по моему мнению, Маркс *должен* будет решить указанную антиномию приблизительно в том же смысле, в каком она решена у Родбертуса...»¹

Совершенно ясно, что, несмотря на уверения Плеханова, будто он начиная с 80-х годов всегда придерживался в данном вопросе одних и тех же взглядов, в действительности только что приведенное высказывание его весьма сильно отличается от того, что он писал по данному поводу в рецензии на книгу Кроче. Там он утверждал, что решение противоречия между законом стоимости и законом средней нормы прибыли с позиций родбертусовской теории стоимости невозможно, а здесь он устанавливает лишь некоторое превосходство марксова решения этого противоречия по сравнению с родбертусовским его решением. Что же касается самого содержания марксова решения указанной проблемы, то Плеханов в том же предисловии к книге «Чернышевский» писал «...Маркс в III томе своего «Капитала» сказал, что действие закона стоимости ограничивается и стало быть видоизменяется действием закона равного уровня прибыли...»² Таким образом, Плеханов по существу истолковал здесь саму теорию Маркса в духе теории Родбертуса, которую он сам в рецензии на книгу Кроче признал неправильной. В действительности, как уже указывалось, основное *отличие* марксовой теории в этом вопросе от теории Рикардо — Родбертуса заключается как раз в том, что, в то время как последние устанавливали «ограничение» действия закона стоимости под влиянием закона равной нормы прибыли, Маркс показал, что сама средняя норма прибыли образуется на основе закона стоимости, что, следовательно, нет по существу никакой «антиномии» между законом стоимости и законом средней нормы прибыли, поскольку последний не является самостоятельным по отношению к закону стоимости.

¹ Г. В. Плеханов, Соч., т. V, стр. 131—132.

² Там же, стр. 133.

В данном случае, однако, для нас важен не самый факт неправильной трактовки Плехановым марксовой теории цен производства, а то обстоятельство, что, приблизившись к правильному пониманию этого вопроса в период, непосредственно предшествовавший второму съезду партии, он после перехода к оппортунизму вернулся к своим прежним, неправильным взглядам и, даже больше того, счел нужным провозгласить именно эти неправильные взгляды такими, которых он придерживался якобы всегда. Тем, кто после 1903 г. упрекал Плеханова в отступлениях от марксизма, он, должно быть, хотел таким образом доказать, что никаких изменений в его взглядах не произошло, что он «всегда» стоял на одних и тех же позициях. В действительности же подобные разъяснения, даваемые задним числом, свидетельствовали лишь о несовместимости оппортунизма в политике с подлинно марксистскими взглядами по вопросам политической экономии.

Хотя Плеханов и до своего перехода в лагерь меньшевизма стоял по существу на позициях отрицания абсолютной ренты, однако, поскольку он прямо никогда не заявлял о своем несогласии с учением Маркса по данному вопросу, оно могло оставаться незамеченным. Со всей очевидностью оно обнаружилось после его перехода к меньшевикам, особенно в период первой русской революции, когда Плеханов выступил яростным противником ленинской (большевистской) программы национализации земли и защитником меньшевистской программы муниципализации земли.

Как известно, П. Маслов, являвшийся автором меньшевистской программы муниципализации, прямо отрицал абсолютную ренту, ревизуя в этом вопросе Маркса. «Отрицание абсолютной ренты, — писал Ленин, — есть отрицание экономического значения частной поземельной собственности при капитализме. Кто признает существование только дифференциальной ренты, тот неизбежно приходит к выводу, что условия капиталистического хозяйства и капиталистического развития совершенно не изменяются в зависимости от того, будет ли земля собственностью государства или собственностью частных лиц. В обоих случаях, с точки зрения теории, отрицающей абсолютную ренту, имеется только одна дифференциальная рента. Понятно, что подобная тео-

рия *должна* вести к отрицанию всякого значения национализации, как меры, влияющей на развитие капитализма в смысле его ускорения, в смысле расчистки пути для него и т. д.»¹

Как же Плеханов, решительно поддержавший масловскую программу муниципализации, отнесся к его ревизии марксизма в вопросе об абсолютной ренте? Отмечая, что Плеханов попал в Стокгольме в число сторонников Маслова, Ленин добавлял: «Ирония истории сделала то, что это якобы-строгий хранитель ортодоксии *не заметил или не пожелал заметить* искажения экономической теории Маркса Масловым»². Но одним лишь умолчанием Плеханов не ограничился.

В № 8—9 «Голоса Соц.-Дем.» (органа меньшевиков-ликвидаторов, издававшегося в 1908—1911 гг.) П. Маслов поместил «Письмо в редакцию», в котором безуспешно пытался опровергнуть выдвинутое против него Лениным обвинение в ревизии учения Маркса о земельной ренте. Ленин, охарактеризовав это письмо как истеричное, высказал предположение, что истерика Маслова была, возможно, не совсем непредумышленная. «Ровно 5 лет тому назад, — указывал Ленин, разъясняя свое предположение, — Мартов устроил истерику перед Плехановым, побудив этим его перебежать из большевиков в меньшевики. Не надеется ли П. Маслов, что Плеханов, прочтя его вопли в редактируемой Плехановым и К⁰ газете, перебежит из числа сторонников теории ренты Маркса в число сторонников теории ренты Маслова? Это, — добавлял Ленин, — было бы очень интересно»³.

Действительность полностью подтвердила обоснованность этого предположения Ленина. В этом смысле интересно выпущенное отдельным листком «Прибавление» к № 8—9 «Голоса Соц.-Дем.», в котором говорилось: «...мы никогда не были сектантами марксизма... и мы хорошо понимаем, что можно разойтись с Марксом и Энгельсом по тому или другому вопросу, не только не изменяя их точке зрения и не отвергая их метода, но оставаясь вполне верным и той, и другому...

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 13, стр. 283.

² Там же, стр. 285. (Сноска.)

³ В. И. Ленин, Соч., т. 15, стр. 225.

Сказанным определяется и наше отношение к взглядам тов. Маслова на учение Маркса о ренте. Мы не разделяем этого взгляда... но мы не видим в нем ревизионизма»¹.

По существу, таким образом, Плеханов взял под защиту ревизионизм Маслова в вопросе о земельной ренте, объявив теорию ренты, являющуюся основой экономического учения Маркса в аграрном вопросе, «частным вопросом», по которому якобы вполне можно разойтись с Марксом и Энгельсом, не впадая при этом в ревизионизм. По поводу ссылки Плеханова на то, что он «не раз печатно спорил с Масловым», Ленин указывал, что Плеханов ни разу не спорил с Масловым по вопросу об абсолютной ренте, а спорил с ним по совершенно другим, действительно частным, вопросам. Плеханов, правда, оговаривал, что не разделяет взглядов Маслова на учение Маркса о ренте. Но, во-первых, он мог иметь в виду при этом не учение об абсолютной ренте, а признание Масловым факта «убывающего плодородия» (с критикой «закона убывающего плодородия» Плеханов действительно выступал неоднократно). Во-вторых, выдвигая против Родбертуса аргументы, сводившиеся по существу к отрицанию абсолютной ренты, Плеханов, возможно, сам не сознавал, к каким выводам логически вела его аргументация. Возможно, наконец, еще одно предположение, которое в вопросительной форме высказал Ленин: «Или Плеханов и К⁰ стал писать свое примечание, чтобы *скрыть* свои мысли?»² Во всяком случае тот факт, что Плеханов объявил теорию ренты, и в частности учение Маркса об абсолютной ренте, таким вопросом, по которому расхождение с Марксом не должно квалифицироваться как ревизионизм, наводит на мысль о том, что, оправдывая Маслова, он в то же время старался по существу выгородить и себя, отвести возможные обвинения в ревизионизме и по своему адресу. Ясно также, что с тех теоретических позиций, с которых Плеханов критиковал теорию ренты Родбертуса, он не мог спорить с Масловым, так как эти позиции сводились к отрицанию абсолютной ренты.

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 15, стр. 256—257.

² Там же, стр. 257.

Следует, наконец, отметить, что в одном из примечаний к изданию книги о Чернышевском, вышедшему в 1910 г., Плеханов прямо говорит о «теории абсолютной ренты Родбертуса и Маркса»¹ и таким образом по существу отождествляет эти две теории. Тем самым он косвенно признал, что его аргументация, направленная против теории Родбертуса, может быть отнесена и к марксовой теории абсолютной ренты. Между тем В. И. Ленин указывал, что «... сопоставление Родбертуса и Маркса в вопросе о ренте есть круглое невежество»².

По вопросу об абсолютной земельной ренте во взглядах Плеханова не заметно какой-либо отчетливой эволюции. Позиции Плеханова в этом вопросе были ошибочны даже в лучший, марксистский период его деятельности. И все же даже в данном вопросе сказался переход Плеханова к оппортунизму. Ленин указывал, что Плеханов дошел до защиты теоретического ревизионизма Маслова «из мелких фракционных интересов»³.

Наиболее резко отход Плеханова от марксизма в вопросах политической экономии сказался в его трактовке сущности империализма и отношении к империалистической войне, разразившейся в 1914 г.

В конце XIX и начале XX в. мировой капитализм перешел в высшую и последнюю стадию своего развития — империализм. В империалистическую стадию вступил с начала XX столетия и русский капитализм, несмотря на его сравнительную «молодость». Ко времени возникновения первой мировой войны в экономике России были налицо все основные признаки империализма. Выросшие на основе громадной концентрации капитала монополии заняли господствующее положение в важнейших отраслях промышленности и в банках, а через них и во всем народном хозяйстве России. На почве господства монополий в промышленности и в банках происходил интенсивный процесс сращивания промышленного и банковского капиталов, процесс образования *финансового капитала и финансовой олигархии*.

¹ См. Г. В. Плеханов, Соч., т. VI, стр. 171. (Примечание 1.)

² В. И. Ленин, Соч., т. 13, стр. 275.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 15, стр. 256.

Переход русского капитализма в стадию империализма предопределял собою участие России в обусловленной империализмом борьбе капиталистических стран за насильственный передел мира, борьбе, вызывающей империалистические войны и, в частности, послужившей причиной первой мировой империалистической войны.

Несмотря на то что II Интернационал в годы, предшествовавшие первой мировой войне, неоднократно принимал решения, обязывавшие входившие в его состав социалистические партии всячески противодействовать войне, в действительности, как только разразилась первая мировая война, партии II Интернационала, зараженные оппортунизмом и руководимые оппортунистическими вождями, как предвидел Ленин, изменили делу революционного интернационализма, забыли торжественно принятые на себя обязательства и активно включились в империалистическую бойню каждая на стороне «своей» буржуазии. Не отставали от своих западноевропейских собратьев в этом отношении и русские меньшевики и эсеры.

Вскрывая корни шовинистической, антипролетарской позиции партий II Интернационала по отношению к войне, отвечая на вопрос о том, откуда взялся социалшовинизм, В. И. Ленин в статье «Крах II Интернационала» писал:

«Под социал-шовинизмом мы разумеем признание идеи защиты отечества в теперешней империалистической войне, оправдание союза социалистов с буржуазией и правительствами «своих» стран в этой войне, отказ от проповеди и поддержки пролетарски-революционных действий против «своей» буржуазии и т. д. Совершенно очевидно, что основное идейно-политическое содержание социал-шовинизма вполне совпадает с основами оппортунизма. Это — *одно и то же* течение. Оппортунизм в обстановке войны 1914—1915 года и дает социал-шовинизм»¹.

Из всех социалистических и рабочих партий того времени только партия большевиков сразу же и без колебаний подняла знамя решительной борьбы против империалистической войны.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 216.

Плеханов занял по отношению к империалистической войне 1914—1918 гг. ярко выраженную социал-шовинистическую позицию. Эту позицию он пытался обосновать в многочисленных статьях о войне, печатавшихся главным образом в издававшейся в Париже в 1915—1916 гг. газете «Призыв», объединенном органе социал-демократов и социалистов-революционеров, а затем в издававшейся им газете «Единство», органе группы «Единство», объединявшей крайне правых меньшевиков-оборонцев.

Поскольку война 1914—1918 гг. была империалистической войной, правильное понимание сущности и характера этой войны, а также правильное, марксистское определение позиции пролетариата в этой войне возможны были только при правильном понимании сущности империализма.

Последовательно марксистское исследование и определение сущности империализма как высшей и последней стадии капитализма явилось одной из бессмертных заслуг великого Ленина.

Плеханов совершенно не уяснил себе сущности империализма и не мог понять поэтому ни подлинной причины, ни специфического характера империалистической войны.

В брошюре «О войне», написанной в октябре 1914 г., Плеханов определяет империализм как политику, сущность которой «...состоит в том, что народ-победитель превращает побежденный народ в предмет экономической эксплуатации. Вследствие такой эксплуатации, — добавляет он, — ускоряется экономическое развитие народа-победителя и замедляется экономическое развитие побежденного народа»¹.

По этому определению империализм представляет собой не особую, высшую стадию в развитии капитализма; а завоевательную политику, направленную на порабощение и эксплуатацию чужих народов. По этому определению империализмом является одинаково и тарское иго, тяготевшее одно время над Россией, и завоевания античного Рима, и колониальные завоевания XVII—XIX вв., и война 1914—1918 гг. — одним словом, империализм, по этому определению, является *внеисторической категорией*.

¹ Г. В. Плеханов, О войне, изд. 2-ое, Пгр., стр. 30.

В другой статье, написанной в мае 1915 г., Плеханов присоединился к тому определению империализма, которое дано было Каутским¹, определению, относительно которого Ленин писал, что оно «не только неверное и не марксистское. Оно служит основой целой системы взглядов, разрывающих по всей линии и с марксистской теорией и с марксистской практикой... Суть дела в том, что Каутский отрывает политику империализма от его экономики, толкуя об аннексиях, как «предпочитаемой» финансовым капиталом политике, и противопоставляя ей другую возможную будто бы буржуазную политику на той же базе финансового капитала. Выходит, что монополии в экономике совместимы с монополистическим, ненасильственным, незахватным образом действий в политике... Получается затушевывание, притушение самых коренных противоречий новейшей ступени капитализма вместо раскрытия глубины их, получается буржуазный реформизм вместо марксизма»².

В 44 и 47-м номерах газеты «Единство» Плеханов поместил большую статью под названием «Борьба наемного труда с капиталом», призванную теоретически обосновать его социал-шовинистическую позицию.

Содержание этой статьи вкратце сводилось к следующему: продукт труда рабочих делится между ними и капиталистами. И те, и другие стремятся получить возможно большую долю этого продукта — и отсюда противоположность их интересов и классовая борьба. Так как продукты капиталистического производства, прежде чем они распределяются между рабочими и капиталистами, должны быть реализованы, то доля каждого из этих классов в значительной степени зависит от условий реализации, от рынка, и в этом отношении интересы обоих классов капиталистического общества совпадают. Если условия сбыта неблагоприятны и продукты продаются ниже своей стоимости, это ведет не только к уменьшению прибыли, но и к уменьшению заработной платы, так как капиталисты сокращают тогда производство и спрос на рабочую силу падает. Если же условия сбыта благоприятны и продукты продаются дороже своей стоимости, то выигрывают не только капиталисты, но и рабочие:

¹ См. Г. В. Плеханов, О войне, стр. 58—66.

² В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 256—257.

увеличение прибыли побуждает капиталистов расширить производство, спрос на рабочую силу повышается, и в связи с этим возрастает заработная плата. Поскольку развитие производства приводит к переполнению внутренних рынков капиталистических стран, постольку возможность выгодной реализации продуктов (выше их стоимости или хотя бы по стоимости) может быть создана только путем завоевания чужих стран и рынков, путем империалистической политики. Следовательно, в последней одинаково заинтересованы и рабочие и капиталисты. Ибо если благодаря завоеванию выгодных условий сбыта на внешних рынках продукты станут продаваться дороже их стоимости, то предприниматель получит возможность, не обижая себя, не уменьшая своей прибыли, платить рабочим больше, чем прежде.

Нетрудно заметить, что в интересах обоснования своей социал-шовинистической позиции Плеханов сделал здесь ряд по существу антимарксистских теоретических допущений, а именно: 1) что заработная плата рабочих определяется не стоимостью рабочей силы, а прежде всего условиями реализации производимых ими продуктов и затем борьбой с капиталистами за долю в этих продуктах; 2) что выгодная реализация капиталистически произведенных продуктов при развитом производстве возможна только на внешних рынках; 3) что поскольку выгодная реализация продуктов может обеспечить увеличение абсолютных размеров заработной платы без повышения ее доли в продукте, т. е. при одновременном абсолютном увеличении прибыли капиталистов, постольку в борьбе за создание условий такой выгодной реализации (т. е. за завоевание внешних рынков) интересы рабочих и капиталистов совпадают, вследствие чего классовая борьба между ними «естественно» уступает здесь место классовому сотрудничеству.

Исходя из указанных выше теоретических посылок, Плеханов развивал далее свое «обоснование» социал-шовинизма следующим образом:

В эпоху «империалистического капитализма», рассуждал он, понятие о классах и классовой борьбе претерпевает значительные изменения. Хотя противоположность интересов пролетариата и буржуазии «в принципе» сохраняется, однако стремление одних капиталистических стран подчинить себе другие и необходимость для по-

следних оборонять себя от этих стремлений порождает *солидарность* интересов обоих классов капиталистического общества и заставляет их заменить борьбу между собой сотрудничеством как в тех, так и в других странах. При этом пролетариат страны, ведущей завоевательные, империалистические войны «в принципе» остается *эксплуатируемым* классом (внутри своей страны), однако он в то же время по отношению к подвластным странам сам является *эксплуататором*. Таким образом, оказывается, что «империалистические стремления» и империалистические войны, сплачивая между собою пролетариат и буржуазию внутри отдельных капиталистических стран, ведя в них к замене классовой борьбы классовым сотрудничеством, выдвигая на место противоположности классовых интересов их солидарность, переносят арену классовой борьбы на международные отношения, поскольку одни народы *в целом* (т. е. в том числе и пролетариат) становятся эксплуататорами других народов (опять-таки в целом, т. е. включая буржуазию).

«Французский пролетариат, — писал Плеханов, — не отказался от классовой борьбы. Он ведет ее энергичнее, чем когда бы то ни было. Он отдает ей все силы и жертвует для нее своей жизнью. Но по вине германского юнкера и капиталиста его классовая борьба временно приняла вид борьбы с иностранным завоевателем...»¹ А чтобы никто не усомнился в возможности такого вида «классовой борьбы», Плеханов приводит исторический пример:

«Многолетняя пелопонесская война была ничем иным, как борьбой демократии с аристократией, выступившей за тесные пределы античного государства-города и распространившейся на всю греческую территорию. Это показывает, что принимать вид международного столкновения классовая борьба могла уже в классической древности. *Хозяйство нынешнего цивилизованного мира, международное по своему существу, делает такое превращение вида классовой борьбы еще более понятным*»².

Ссылка на пелопонесскую войну весьма интересна как показатель эволюции взглядов Плеханова на отно-

¹ Газета «Призыв» № 21, от 19. II. 1916 г.

² Там же.

шение пролетариата к войне. В статье «Патриотизм и социализм», написанной им в 1905 г., тоже содержалась ссылка на пелопонесскую войну. Но здесь она преследовала совершенно иную цель, призвана была служить подтверждением принципов пролетарского интернационализма.

«Где борьба классов, — писал Плеханов, — принимает острый, революционный характер, расшатывая старые, унаследованные от прежних поколений, понятия, и где, кроме того, угнетенный класс легко может убедиться в том, что его интересы очень сходны с интересами угнетенного класса чужих стран и противоположны интересам господствующего класса его собственной страны, там *идея отечества* в весьма значительной степени утрачивает свое прежнее обаяние. Это показывает нам уже древняя Греция, где низшие классы граждан чувствовали себя более солидарными с низшими классами граждан других государств, чем с высшими классами своего государства-города. Пелопонесская война — эта война между демократией и аристократией, охватившая большую часть тогдашнего греческого мира, может служить этому ярким подтверждением»¹.

Указав, что французский пролетариат, поддерживая свою буржуазию, не отказался от классовой борьбы, а ведет ее лишь в иной форме, именно в форме сотрудничества с французскими капиталистами в войне против иностранных завоевателей, Плеханов спешит отвести возможные против этого тезиса возражения.

«Наперед знаю, — говорит он, — что г.г. псевдо-интернационалисты закричат: «Хороша та классовая борьба, в которой французский, бельгийский и т. д. рабочий борется с немецким и австрийским!» Такая борьба в самом деле нехороша. Тем не менее она остается классовой. Почему французский, бельгийский и т. д. пролетариат вынуждены бороться с немецким и австрийским? Потому, что эти последние вошли в союз с юнкерами и капиталистами для эксплуатации рабочих всех других стран...»²

В противоположность Плеханову Ленин строго различал продажных вождей германской социал-демокра-

тии от германского рабочего класса. Он верил в то, что рабочий класс Германии рано или поздно очнется от опьянившего его патриотического дурмана. В апреле 1917 г. Ленин писал, что «*немецкий пролетариат есть вернейший, надежнейший союзник русской и всемирной пролетарской революции*»¹. Никто не призывал так решительно к борьбе с изменившими социализму вожаками II Интернационала, к борьбе против оппортунизма и шовинизма, как Ленин. Но в противоположность Плеханову, отождествлявшему предателей германского рабочего класса с германским пролетариатом в целом, Ленин указывал, что против изменивших социализму вождей II Интернационала нужно «*обязательно апеллировать к революционной сознательности рабочих масс, несущих на себе всю тяжесть войны и в большинстве случаев враждебных оппортунизму и шовинизму*». В противоположность Плеханову, подыскивавшему всевозможные софистические аргументы для оправдания войны, в которой рабочие крупнейших стран Европы взаимно истребляли друг друга во славу капитала, и объявившему эту братоубийственную войну новым видом «*классовой борьбы*», чтобы под этим предлогом склонить рабочих к соглашению с буржуазией, Ленин с самого начала войны выдвинул лозунг всесторонней, распространяющейся и на войско и на театр военных действий пропаганды «*социалистической революции и необходимости направить оружие не против своих братьев, наемных рабов других стран, а против реакционных и буржуазных правительств и партий всех стран*»².

2. Экономические взгляды Плеханова и его ошибки в вопросах революционной тактики

Революция 1905—1907 гг. в России была первой в мире народной революцией эпохи империализма. Она знаменовала собой конец относительно «мирного» периода в развитии мирового капитализма, наступившего после Парижской коммуны, и положила начало периоду революционных битв.

¹ Г. В. Плеханов, Соч., т. 13, стр. 268.

² Газета «Призыв» № 21 от 19. II. 1916 г.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 363.

² В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 4.

Будучи по своему содержанию буржуазной революцией, революция 1905—1907 гг. в России отличалась, однако, от западноевропейских буржуазных революций рядом существенных особенностей. На Западе (в Англии, во Франции) буржуазные революции происходили в период, когда капиталистический уклад хотя и достиг уже значительной степени развития, однако далеко еще не был преобладающим. Завоевание власти буржуазией являлось там средством упрочения капиталистического базиса, превращения капиталистического способа производства в господствующий. В России революция 1905—1907 гг. происходила в период, когда капиталистический способ производства уже был господствующим. Больше того, в конце XIX и начале XX в. русский капитализм перешел в стадию империализма. На Западе (в Англии, во Франции) развитие капитализма происходило в основном после буржуазной революции и в условиях полного или почти полного отсутствия каких-либо существенных остатков феодально-крепостнических отношений, которые революция в корне ликвидировала. В России развитие капитализма происходило в условиях сохранения весьма значительных остатков крепостничества.

Этими особенностями экономического развития России обуславливалась совершенно иная, чем на Западе, расстановка классовых сил в буржуазной революции и специфичность стоявших перед ней задач.

Поскольку на Западе (в Англии, во Франции) буржуазные революции происходили в период, когда капитализм не достиг еще полной зрелости, в зачаточном состоянии находились и капиталистические противоречия и классовый антагонизм между пролетариатом и буржуазией. Молодой пролетариат находился еще под идеологическим и политическим влиянием буржуазии и в революции шел за нею.

Иным было положение буржуазии в России ко времени революции 1905 г. Капиталистические противоречия и классовый антагонизм между пролетариатом и буржуазией к этому времени не только достаточно ясно и существенно обнаружались, но и привели уже к неоднократным острым столкновениям этих классов. Русский пролетариат к началу революции был более организован, чем буржуазия, имел свою социал-демократическую рабочую партию, партию большевиков, возглавляемую

гениальным Лениным, вооруженную революционной теорией марксизма и способную повести массы на штурм самодержавия, а затем и капитализма. В этих условиях русская буржуазия больше всего боялась рабочего класса; она не могла быть революционной, не могла не стремиться к полюбовной сделке с царизмом, тем более что царское правительство, как указывал Ленин, было «так благосклонно и угодливо к капиталу, как нигде». Русская буржуазия в силу охарактеризованных выше особенностей экономического развития России была менее заинтересована в свержении самодержавия, чем пролетариат. Диалектика исторического развития России была такова, что на роль руководителя, гегемона буржуазной революции выдвинулся пролетариат, как единственный последовательно революционный класс капиталистического общества.

Развитие капитализма в сельском хозяйстве ведет к «раскрестьяниванию», к разложению крестьянства на противоположные классы капиталистического общества, на сельскую буржуазию и сельский пролетариат. Этот процесс происходил — и довольно быстро — также в пореформенной России. Однако ввиду сохранения крупного помещичьего землевладения и феодально-крепостнических методов эксплуатации крестьянства последнее по отношению к помещикам продолжало выступать как единый класс. Наличие остатков крепостничества в пореформенной деревне поддерживало революционные стремления крестьянства, как класса феодального общества, направленные к ликвидации помещичьего землевладения и остатков крепостнических отношений. В силу этого русское крестьянство являлось одной из основных движущих сил буржуазной революции, естественным и надежным союзником пролетариата в этой революции, основной экономической задачей которой как раз и являлась ликвидация остатков крепостничества.

На Западе в период буржуазных революций крестьянство шло за буржуазией, поскольку последняя боролась против феодализма и несла, таким образом, освобождение крестьянству. Русская буржуазия в силу указанных выше особенностей ее положения и развития, неспособна была последовательно бороться за ликвидацию остатков крепостничества, во-первых, потому, что нуждалась в союзе с помещиками для совместной борь-

бы против рабочего класса; во-вторых, потому, что сама в значительной степени обзавелась земельной собственностью и боялась, как бы покушение на помещичье землевладение не распространилось на ее земельную собственность да и на частную собственность вообще. Последовательным борцом за полную революционную ликвидацию остатков крепостничества в России выступал пролетариат. Только он мог обеспечить удовлетворение вековых чаяний русского крестьянства. Поэтому в русской буржуазной революции в отличие от западноевропейских крестьянство шло не за буржуазией, а за пролетариатом, боролось под руководством рабочего класса. Поэтому буржуазная по своему содержанию революция в России по ее движущим силам была демократической революцией и условием ее победы было установление демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

Плеханов не понял этих особенностей буржуазной революции в России и определял тактику социал-демократии без учета этих особенностей. Исходя из того, что революция 1905—1907 гг. была буржуазной, он считал, что в результате этой революции к власти должна прийти буржуазия. Отсюда следовало, что участие буржуазии в революции абсолютно необходимо и что пролетариат должен вести себя так, чтобы не отпугнуть буржуазию от революции.

В том, что Плеханов отстаивал такую тактическую установку, сказались как его склонность к догматизму, так и его взгляды на предреволюционную экономику России и на задачи развертывавшейся в ней буржуазной революции. Мы имеем в виду недооценку им степени развития капитализма в России, недооценку вместе с тем и остатков крепостничества в ее экономике и сведение задач буржуазной революции *исключительно* к свержению самодержавия и изменению политически-правового строя. Отсюда вытекала, во-первых, недооценка революционной роли крестьянства, во-вторых, убеждение в том, что и пролетариат, и буржуазия могут и должны на время отвлечься от своей классовой вражды, от противоположности своих классовых интересов и вступить между собою в союз для совместной борьбы против самодержавия. Отсюда следовало игнорирование того факта, что, как бы

глубоко ни было противоречие интересов буржуазии с остатками крепостничества, в частности с самодержавной монархией, оно в значительной мере должно было ступшеываться перед коренным противоречием капиталистического общества — между пролетариатом и буржуазией. Не учитывалось и то, что в условиях господства капиталистического способа производства и соответствующей остроты свойственных капиталистическому обществу классовых противоречий, в условиях, когда пролетариат выступает как организованная политическая сила, которой, даже по признанию Плеханова, должна была принадлежать «главная роль» в революции, буржуазия, несомненно, более склонна к сделке с царизмом и реакцией против революционного пролетариата, нежели к последовательной борьбе против самодержавия.

Совершенно иначе подходил к определению тактики марксистской партии в русской буржуазно-демократической революции Ленин. Сам буржуазный характер революции он в отличие от Плеханова усматривал не в том, что она призвана якобы передать власть в руки буржуазии, а в ее экономическом содержании, в том, что она призвана уничтожить остатки крепостничества и расчистить путь развитию капитализма.

«. . . Если наша революция буржуазна по своему экономическому содержанию (это несомненно), — писал Ленин, — то отсюда нельзя делать вывод о руководящей роли буржуазии в нашей революции, о буржуазии, как движущей силе ее. Такой вывод, обычный у Плеханова и меньшевиков, есть опoшление марксизма, карикатура на марксизм. В буржуазной революции может быть руководителем и либеральный помещик вместе с фабрикантом, купцом, адвокатом и т. п., — и пролетариат вместе с массой крестьян. Буржуазный характер перерождения остается в обоих случаях, но рамки его, условия его выгодности для пролетариата, условия его выгодности для социализма (то есть для быстроты развития производительных сил прежде всего) *совершенно различны* в первом и во втором случае.

Отсюда большевики выводят *основную* тактику социалистического пролетариата в буржуазной революции: вести за собой демократическую мелкую буржуазию, особенно крестьянскую, отрывать ее от либералов, пара-

лизовать неустойчивость либеральной буржуазии, развивать борьбу *масс* за полное *уничтожение* всех следов крепостничества, помещичьего землевладения в том числе»¹.

В предисловии ко второму изданию «Развития капитализма в России», написанном в июле 1907 г., указав, что на данной экономической основе «революция в России неизбежно является, разумеется, буржуазной революцией» и что «это положение марксизма совершенно непереходимо», Ленин добавляет:

«Но его надо уметь применять. Конкретный анализ положения и интересов различных классов должен служить для определения точного значения этой истины в ее применении к тому или иному вопросу. Обратный же способ рассуждения, нередко встречающийся у социал-демократов правого крыла с Плехановым во главе их, — т. е. стремление искать ответов на конкретные вопросы в простом логическом развитии общей истины об основном характере нашей революции, есть оплошление марксизма и сплошная насмешка над диалектическим материализмом»².

В отличие от Плеханова и меньшевиков Ленин, определяя тактику пролетариата и марксистской партии в первой русской революции, не ограничивался общим положением о том, что это — буржуазная революция, а установил специфический характер этой буржуазной революции как *крестьянской* революции, направленной против остатков феодализма, против крепостнических форм землевладения и связанных с ними отношений в стране.

Ленин указывал, что «основной источник неверности всей тактической линии Плеханова и шедших за ним меньшевиков в первый период русской революции (т. е. в 1905—1907 годах) состоит в том, что они совершенно не поняли этого соотношения между буржуазной революцией вообще и крестьянской буржуазной революцией»³. Совершенно естественно и неизбежно, указывал Ленин, что, не поняв особенности российской буржуазной революции именно как крестьянской революции, правое крыло социал-демократии (Плеханов и руководимые им

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 12, стр. 154—155.

² В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 10.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 13, стр. 321—322.

меньшевики) «...не могло понять источника контрреволюционности нашей буржуазии в русской революции, не могло определить ясно, какие классы способны одержать в этой революции полную победу, не могло не сбиваться на взгляд: в буржуазной революции пролетариат должен поддерживать буржуазию, в буржуазной революции главным деятелем должна быть буржуазия, размах революции ослабнет, если отшатнется буржуазия и т. д., и т. п. Наоборот, большевики с самого начала революции, весной и летом 1905 года... ясно указали *источник* наших тактических разногласий, выделив понятие крестьянской революции, как одного из видов буржуазной революции, и определив ее победу: «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства»¹.

В тесной связи с ленинским учением о гегемонии пролетариата в русской революции и о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую находилась большевистская программа национализации земли.

«Наша задача, — писал Ленин, — одна: спланировать пролетариат для социалистической революции, поддерживать всякую борьбу со старым порядком в возможно более решительной форме, отстаивать наилучшие возможные условия для пролетариата в развивающемся буржуазном обществе. А отсюда неизбежно вытекает, что нашей с.-д. программой в русской буржуазной революции может быть *только* национализация земли»².

Плеханов на Стокгольмском съезде РСДРП решительно выступил против ленинской программы национализации.

В 1906 г. в статье «К аграрному вопросу в России», написанной по поводу статьи Маслова по этому же вопросу, Плеханов заявил себя решительным сторонником программы муниципализации земли, признав, что «...передача земель областным сеймам наиболее желательна с точки зрения социал-демократии»³. Плеханов указывал при этом, что «солидные аргументы», имеющиеся против национализации, были указаны им в «Заре» раньше, чем о них заговорил Маслов, и далее пол-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 13, стр. 322.

² Там же, стр. 391.

³ Г. В. Плеханов, Соч., т. 15, стр. 27.

ностью повторял положения, впервые развитые им в статьях, посвященных проекту программы РСДРП, а именно, указание на то, будто исконной исторической основой общественно-экономического и политического строя России являлась государственная собственность на землю; утверждение, будто русское самодержавие только и держится на этой государственной земельной собственности, в течение известного исторического периода служившей основой для закрепощения государству как крестьян, так и помещиков, а затем по мере освобождения дворян от обязательной службы государству и особенно после реформы 1861 г., ставшей основой еще более прямого и непосредственного закрепощения всей массы крестьян. Отсюда следовало, что национализация частновладельческих земель только усилила бы экономическую основу самодержавия и грозила бы реставрацией тех «азиатских» порядков, которые по мере развития капитализма все более расшатывались. «Когда крестьянин, — писал Плеханов, — говорит о необходимости отобрания земли у помещиков... он считает себя охранителем той экономической основы, которая освящена в его глазах веками, потому что на ней в течение целых веков держалось русское государство»¹.

По Плеханову получалось, таким образом, что не только требование национализации земли, но и вообще революционные требования крестьянства, направленные против помещичьего землевладения, содержали в себе будто бы *реакционное* ядро, что крестьянское движение одной стороной своей реакционно и чревато реставрацией старых государственно-крепостнических порядков и «азиатского» способа производства.

Имея в виду плехановскую трактовку Московской Руси как восточной деспотии, базировавшейся будто бы на закрепощении крестьян государством, Ленин указывал, что «исторические воззрения Плеханова состоят в утрировке либерально-народнического взгляда на московскую Русь...»² Критикуя утверждения Плеханова, будто национализация земли грозила бы возвратом к «допетровским порядкам», Ленин отмечал, что «говорить о национализации земли в допетровской России

серьезно не доводится»¹. Между тем, именно исходя из этих неверных представлений, Плеханов считал основным препятствием к подъему крестьянского хозяйства (а по существу — к развитию капитализма в сельском хозяйстве, хотя он прямо об этом не говорил) и основой «старого порядка» не помещичьи латифундии, а «закрепощение государству земли и земледельца». Он вполне соглашался с Масловым в том, что «...право собственности помещиков на их земли выражается только в эксплуатации арендаторов»². Не замечая огромных остатков крепостничества в отношениях между крестьянами и помещиками, отработков, кабалы и других форм феодальной эксплуатации, он отождествлял русское пореформенное крестьянство с капиталистическими фермерами, усматривая единственное препятствие к окончательному превращению его в фермеров американского образца в существовании общины как формы «закрепощения государству земли и земледельцев». Недаром он прямо писал, что «...русские «трудовые» крестьяне...», требующие национализации земли, «...рассуждают подобно тем американским фермерам, которые в своей оппозиции крупному капиталу доходят до требования *национализации земли*, становятся последователями Генри Джорджа»³.

Плеханов хорошо понимал связь между программой национализации земли и борьбой большевиков за гегемонию пролетариата в революции, за установление революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. В речи по аграрному вопросу на Стокгольмском съезде РСДРП он прямо указывал, что аграрный проект Ленина «тесно связан с его идеей захвата власти»⁴. (Идеей «захвата власти» Плеханов называл ленинское положение о демократической диктатуре пролетариата и крестьянства.) И столь же прямо он подчеркивал, что именно ввиду этой связи ленинская аграрная программа неприемлема для него и для всех тех, кто не согласен с большевистской тактикой и считает, что власть в результате революции должна перейти к буржуазии. «... Если мы считаем захват вла-

¹ Г. В. Плеханов, Соч., т. 15, стр. 35.

² В. И. Ленин, Соч., т. 10, стр. 302.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 10, стр. 302.

² Г. В. Плеханов, Соч., т. XV, стр. 30.

³ Там же, стр. 211.

⁴ Там же, стр. 72.

сти невозможным, — заявил он в этой же речи, — то спрашивается, как мы должны относиться к тому проекту программы, который тесно связан с этим захватом. Если мы отрицаем захват власти, то должны отрицать и эту программу»¹.

Но, откровенно признав, таким образом, что борьба его против ленинской программы национализации земли вытекает не столько из пространно развитых им *теоретических* соображений, сколько из соображений борьбы против большевистской *тактики* в революции, Плеханов тем самым косвенно признал также наличие внутренней связи между отстаиваемой им программой муниципализации земли и общей *тактикой меньшевизма* в революции.

«...На муниципализаторской программе, — писал Ленин, — явственно сказались вся ошибочная тактическая линия меньшевизма в русской буржуазной революции: непонимание того, что только «союз пролетариата и крестьянства» может обеспечить победу ее. Непонимание руководящей роли пролетариата в буржуазной революции, стремление поставить его в стороне, приспособить к половинчатому исходу революции, превратить из вождя в пособника (а на деле в чернорабочего и слугу) либеральной буржуазии»².

Не поняв сущности империализма и свойственного последнему закона неравномерности развития, Плеханов не мог понять также подлинного характера и объективных исторических задач революции 1917 г. — как Февральской, буржуазно-демократической революции, так тем более Великой Октябрьской социалистической революции.

Плеханов усматривал в Февральской революции 1917 г. простое повторение революции 1905 г., и его оппортунистическая, меньшевистская тактика в период первой русской революции вполне предопределяла его позицию по отношению к тактическим проблемам Февральской революции 1917 г. Исходя из абстрактного определения Февральской революции 1917 г. как революции буржуазной, он настойчиво ратовал за обеспечение политического единовластия буржуазии и отно-

сился отрицательно к деятельности Советов, существование которых создавало известное двоевластие. Как и в 1905 г., он считал, что революция призвана была открыть эру более или менее длительного господства буржуазии и решительно выступал против большевистской тактики перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, пытаясь убедить рабочих в том, что захват власти рабочим классом был бы для них «самым большим политическим несчастьем»¹. Аргументация была старой: Россия, мол, еще не созрела для социалистической революции, ее производительные силы еще недостаточны для построения социализма. «...социалисты убеждены, — писал Плеханов, — что со временем высоко развитым производительным силам станет тесно в рамках капиталистического способа производства и что тогда капитализм должен будет уступить свое место социализму. Но для России это дело сравнительно отдаленного будущего»².

Вопреки требованиям марксистского принципа историзма Плеханов не только повторял в 1917 г. общие для всех оппортунистов педантские соображения относительно недостаточного уровня развития производительных сил в России для перехода от буржуазно-демократической революции к социалистической, но выдвигал в качестве тезиса, долженствовавшего определить тактику пролетариата в революции, утверждение, что «теперь Россия страдает, — как мы это повторяли уже не один раз, — не столько от развития капитализма, сколько от недостатка этого развития». А отсюда следовал тот вывод, что «очередным вопросом исторического дня является у нас теперь развитие производительных сил на капиталистической основе»³.

Плеханов игнорировал тот факт, что развитие капитализма и в России не стояло на месте и что все своеобразие российской действительности как раз и заключалось в соединении «синдикатов в промышленности и мелкокрестьянского хозяйства в деревнях», т. е. в соединении элементов высокоразвитого монополистиче-

¹ Г. В. Плеханов, Соч., т. XV, стр. 76.

² В. И. Ленин, Соч., т. 13, стр. 392—393.

¹ Газета «Единство» № 115, от 13. VIII. 1917 г.

² Там же, № 99, от 26. VII. 1917 г.

³ Там же.

ского капитализма с элементами мелкого товарного производства.

Критикуя плехановские рассуждения об отсутствии в России объективных условий для социалистической революции, Ленин писал уже в апреле 1917 г.:

«...Захват политической власти «русской трудящейся массой, — пишет наш автор (т. е. Плеханов. — И. Б.), — мог бы иметь смысл только в том случае, если бы находились в наличности условия, необходимые для социальной революции». Это — каша вместо мисей»¹.

Клеветническими утверждениями, будто большевики хотят «декретировать» социализм в стране, где еще и капитализм недостаточно развит, Ленин противопоставлял факты, бесспорно свидетельствующие о том, что, несмотря на относительную отсталость дореволюционной России по сравнению с крупнейшими и наиболее развитыми капиталистическими странами, несмотря, в частности, на отсталость и раздробленность ее сельского хозяйства, она все же не оставалась на одном месте и наряду с более передовыми капиталистическими странами уже вступила в стадию монополистического капитализма, развитие которого было чрезвычайно ускорено войной.

Плеханов совершенно не учитывал того, что во главе революции стоял самый революционный и самый организованный в мире, закаленный в боях пролетариат России, установивший союз с крестьянской беднотой и руководимый большевистской партией, партией нового типа, свободной от оппортунистических элементов и способной повести пролетариат на борьбу за власть.

Впрочем, Плеханов апеллировал не только к экономической отсталости России. Он пытался доказать, что русский пролетариат, если бы он вздумал осуществить свою диктатуру и приступить к социалистическому переустройству общества, оказался бы «изолированным» и потому обреченным на неизбежное поражение.

Рассматривая крестьянство как единый класс мелких самостоятельных производителей, Плеханов даже после Октябрьской революции продолжал утверждать,

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 24, стр. 164.

что крестьяне поддерживают рабочих лишь до тех пор, пока они не получают землю. По достижении этой цели они, утверждал он, неизбежно отвернутся от своих прежних союзников, так как в социализме, мол, они не нуждаются. Пролетариат же составляет в России не большинство, а меньшинство населения, и поэтому, лишившись поддержки крестьянства, он, мол, неизбежно потерпит поражение. Плеханов повторял, таким образом, ходячую среди западноевропейских социал-демократов и русских меньшевиков ошибочную теорию, согласно которой условия для социалистической революции можно будет считать созданными лишь тогда, когда в результате развития капитализма большинство народа станет пролетариями; теорию, в основе которой лежало ошибочное представление о том, что в осуществлении социалистической революции рабочий класс не будет иметь союзников, отрицание возможности союза рабочего класса с беднейшим крестьянством и другими полупролетарскими элементами населения.

Между тем Ленин уже в период первой русской революции убедительно показал, что социалистическая революция будет осуществлена не изолированным пролетариатом, а пролетариатом-гегемоном, ведущим за собой полупролетарские элементы населения, что переход от буржуазно-демократической революции к социалистической будет означать для пролетариата также переход от союза со всем крестьянством к союзу с беднейшим крестьянством и другими полупролетарскими трудящимися и эксплуатируемыми массами.

И эта новая теория социалистической революции блестяще выдержала проверку практикой. Именно руководствуясь ею, пролетариат нашей страны, ведомый большевистской партией, одержал в октябре 1917 г. всемирно-историческую победу над капитализмом.

Следует, наконец, отметить, что Плеханов всячески подчеркивал, что «...преобразование способов производства не может быть делом одной страны»¹, что социализм может победить только одновременно во всем цивилизованном мире. Плеханов, таким образом, подобно другим теоретикам II Интернационала, механически переносил на период империализма положение

¹ Г. В. Плеханов, О войне, стр. 16.

Маркса и Энгельса, относившееся к домонополистическому капитализму. Между тем Ленин на основании марксистского анализа сущности империализма показал, что в силу закона неравномерности экономического и политического развития капиталистических стран в эпоху империализма одновременная победа социализма во всех странах становится невозможной, что в этих условиях социализм может победить первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой капиталистической стране.

Победа социализма в СССР, достигнутая в чрезвычайно короткие исторические сроки, явилась блестящим подтверждением этого положения Ленина.

* *
*

Переход Плеханова с конца 1903 г. к меньшевизму в вопросах тактики сопровождался заметным отступлением его от марксизма в трактовке ряда проблем экономической теории и усугублением тех ошибочных воззрений по некоторым экономическим вопросам, которые обозначились у него в предшествующий, марксистский период его деятельности. Особенно отчетливо указанная тенденция проявилась в трактовке вопроса о заработной плате и положении рабочего класса при капитализме. Если уже в статьях, направленных против ревизионизма, Плеханов обнаружил неправильное понимание соотношения между заработной платой и ценой рабочей силы, то в рассматриваемый период, стремясь теоретически «обосновать» свою социал-шовинистическую позицию по отношению к империалистической войне 1914—1918 гг., он по существу скатился в этом вопросе на позиции, близкие к буржуазной «социальной теории» заработной платы, совершенно оторвав последнюю от стоимости и цены рабочей силы и утверждая, что уровень заработной платы якобы всецело определяется условиями реализации товаров и распределения вновь созданной стоимости между капиталистами и рабочими. В то время как в борьбе против ревизионизма Плеханов делал главный упор на относительно обнищании рабочего класса, а на II съезде РСДРП высту-

пил с прямой защитой марксистского положения об ухудшении положения рабочего класса как в относительном, так и в абсолютном смысле, он после перехода к меньшевизму стал утверждать будто абсолютно положение рабочего класса по мере развития капитализма улучшается и будто марксистская теория вообще считает неизбежным только относительное обнищание рабочего класса.

Плеханов оказался не в состоянии понять истинную сущность империализма как новой, высшей стадии в развитии капитализма и, подобно Каутскому и другим теоретикам II Интернационала, трактовал империализм просто как захватническую, экспансионистскую политику. Поэтому он не мог также понять подлинный характер первой мировой войны и правильно в соответствии с требованиями революционного марксизма определить задачи пролетариата и рабочей партии в этой войне.

Недостаточное понимание Плехановым особенностей развития капитализма в России, его ошибочные воззрения на земельную ренту и связанные с этим ошибочные взгляды по вопросу о движущих силах предстоящей революции в значительной степени предопределили его меньшевистскую позицию как в период первой русской революции (1905—1907 гг.), так и в период Февральской революции 1917 г. и в период перехода от Февраля к Октябрю. Вместе с тем важной теоретической предпосылкой его меньшевистской тактики послужило также непонимание им сущности империализма и порожденных им новых условий борьбы за пролетарскую социалистическую революцию, в частности возникающей при империализме возможности победоносной пролетарской революции и построения социализма сначала в отдельных странах и притом не в наиболее развитых капиталистических странах, а в тех, которые представляют собой относительно более слабые звенья империалистической цепи.